

Василий Верещагин

**Из путешествий по
Закавказскому краю**

Василий Васильевич Верещагин

Из путешествий по Закавказскому краю

Аннотация

«Я подъехал к Шуше, административному центру Карабахской провинции в Закавказье, поздно вечером: сквозь темноту можно было видеть только темный силуэт городской стены, построенной на верху высокой, крутой горы. Шуша – областной город Шушинского уезда – прежде был резиденцией карабахских ханов. Это место довольно хорошо укрепленное, потому что с двух сторон защищено отвесною скалою, а с остальных – стеною с башнями весьма прочной постройки...»

Содержание

I. Религиозное празднество мусульман-шиитов	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Василий Верещагин

Из путешествий по Закавказскому краю

I. Религиозное празднество мусульман-шиитов

1

Я подъехал к Шуше, административному центру Карабахской провинции в Закавказье, поздно вечером: сквозь темноту можно было видеть только темный силуэт городской стены, построенной на верху высокой, крутой горы. Шуша – областной город Шушинского уезда – прежде был резиденцией карабахских ханов. Это место довольно хорошо укрепленное, потому что с двух сторон защищено отвесною скалою, а с остальных – стеною с башнями весьма прочной постройки. Подъем к городу очень труден, дурная, грубо вымощенная большими камнями дорога так крута, что 5 лошадей с трудом тащили мою повозку. Еще не доезжая горы, я видел, что над городом появился сильный свет, и слышал гул

¹ *Мусульмане-шииты* – представители одного из двух основных направлений в исламе, признающие законными преемниками пророка Мухаммеда 12 имамов – прямых потомков пророка (от брака Али и дочери Мухаммеда Фатимы).

от какого-то крика; по мере того, как я приближался, свет все более и более увеличивался и, наконец, обратился как бы в зарево большого пожара, а гул перешел в беспорядочный рев многих тысяч голосов. Я въехал в город узкими крепостными воротами, и здесь картина, подобной которой я никогда ничего не видел – картина оригинальная, дикая, представилась мне: вся площадь, буквально, была запружена народом, шумящим, беснующимся и просто глазеющим. Партиями, человек в сто, вытянувшимися в линию, татары *прыгали* по площади и прыгали бешено, с дикими возгласами; каждый левою рукою держался за кушак своего соседа, а в правой держал высоко над головою толстую палку, которою с каждым прыжком потрясал. Таких партий было три, и впереди каждой мальчишки, наряженные в какую-то странную смесь разного тряпья и вывороченных кверху шкур, скачут, кривляются и бьют в турецкие барабаны и медные тарелки под общий такт криков и пляски. Муллы-распорядители поощряют словами и жестами прыгающих, расталкивают народ, бранятся; наконец, какой-то важный бек (бек – дворянин)², по-видимому, главный распорядитель, скачет в толпе взад и вперед, размахивает шашкою и ругается на чем свет стоит. К этому гаму примешивается еще говор и шум глазеющей толпы, ржанье лошадей и проч. Сцена освещена огромными нефтяными факелами: в железные решетчатые коробки набросано тряпье, постоянно обливаемое нефтью; сотни этих

² Здесь и далее примечания и пояснения автора.

факелов, горящих сильным пламенем, носятся, вслед за прыгающими, на высоких шестах. В массе скачущих на площади отделяются группы персиян: они не держатся друг за друга, а на левой руке носят, как бы собравшись в дорогу, плащи; они тоже неистово скачут во все стороны.

Каждый год, в продолжение девяти первых дней месяца Мохаррема, справляют таким образом татары свои вечера в память страданий и мученической кончины имамов, почитаемых шиитским толком; десятый день посвящен памяти самого Гуссейна, первого имама, сына Алия, внука Магомета. Эти десять дней – время скорби и траура для мусульман-шиитов: полагается в эти дни держать строгий пост, то есть не есть ничего в продолжение дня, с рассвета до сумерек; набожные люди не бреют ни лица, ни головы, не курят, не ходят в баню, не пускаются в путешествия, а проводят большую часть времени в благочестивых разговорах, которые переводятся прозою татарской жизни в сплетню. Те, которые действительно воздерживаются в продолжение дня от пищи и кальяна, с избытком вознаграждают это лишение в дозволенное время, то есть обжираются после сумерек и до рассвета. В мечетях за эти дни читаются страницы из описания страданий имамов и говорятя на эту тему проповеди.

Эти страдания имамов служат также содержанием для мистерии или драмы, разыгрываемой частию в первые девять дней, частию, с особенным торжеством, на десятый день. Согласно древнему обычаю, вся драма должна была бы разыг-

рываться в последний день, но для облегчения как самих актеров, так и зрителей представление дается отдельными действиями в продолжение многих дней.

В Шуше дело велось таким образом: при мечети, в товарном караван-сараяе или в другом каком месте, где есть большой двор, окруженный зданиями, устраиваются подмости. Действующие лица набираются из желающих горожан, а для главных ролей часто выписывают актеров из Персии, где, как в главном гнезде шиитства, есть недурные мастера этого дела. Главный распорядитель представлений заведует и костюмировкой, которая оригинальна и фантастична, но довольно произвольна; странно, например, видеть в группе актеров, разодетых в кольчуги, шлемы и со щитами в руках, одного одетого в современный русский чиновничий вицмундир, со старою пуховою шляпою на голове. Мне объяснили, что эта смешная фигура представляет французского посланника (по преданию, присутствовавшего при некоторых из представляемых событий). Другой актер, представляющий арабско-го калифа, преважно восседает в старой французской кавалерийской каске, с длинною прядью конских волос на гребне. Все женские роли исполняются мужчинами, закутанными в платки и шали до самых глаз, т. е. так, как это принято у туземок. Двор, на котором дается представление, битком наполняется народом, верхние галереи караван-сарая – женскими чадрами.

Актеры расстанавливаются и рассаживаются на платфор-

ме полукругом; каждый держит в руках маленькую тетрадку, по которой и читает свою роль, обыкновенно жалобным голосом, нараспев. Помню одного актера из Персии, исполнявшего роль убийцы пророка: он декламировал с большим одушевлением сильным, звучным голосом; присутствовавшие буквально электризировались его словами. Вообще, представления эти производят на толпу сильное действие: раздаются со всех сторон плач и рыдания, при некоторых сценах, особенно трогательных, как, например, когда молодой имам, последний родственник Гуссейна, оставшийся в живых, перед выходом на битву прощается с матерью и родными, стоны и вопли поднимаются такие, что заглушают и прерывают ход действия. Я видел около себя седых стариков, которые плакали и рыдали, как дети. О женщинах и говорить нечего: они заливаются, мечутся и рвутся во все продолжение представления. Можно сомневаться в полной искренности такой необыкновенной горести; вероятно, немалую роль играет тут уверенность в том, что *каждая слеза, пролитая при этом случае, смывает целые горы грехов.*

Персиянин

В продолжение помянутых девяти дней татары ходят процессиями по городу, поют разные жалобные гимны и бьют себя в грудь под такт общего напева. С наступлением вечера, как я уже говорил выше, с разных концов города начинают сходиться на площадь партии прыгающих и беснуются таким образом до поздней ночи. Так выказывают татары свою печаль и в то же время готовность стоять за свою веру и имамов, или, так как имамы уже перешли в вечность, то пускай, дескать, знает мир, как защищали бы мы их, если бы они жили и страдали в наше время...

До последних годов эти ночные собрания были запрещены правительством, потому что они часто вели к кровопролитиям, и вот в чем дело: в каждом татарском городе непременно есть партии, происхождение которых теряется в далеком прошлом; они сами не разъясняют себе как следует причину недоразумений между собою и перемешивают неурядицы своей истории с современными житейскими дрязгами и интригами дня. Так в Шуше потомки партий, враждовавших когда-то из-за двух претендентов на персидский престол, Гойдари и Неэмети (страна принадлежала Персии), переименовались просто в губернаторцев и противогубернаторцев; тем не менее они и теперь при удобном случае не прочь подраться между собою, точно так же, как дрались их предки. Эти воинственные наклонности хорошо известны

местной власти, которая обыкновенно почетно выпроваживает с места сборища одну партию, в то время как гикания другой возвещают об ее приближении. Мне рассказывали о случае в одном городе Закавказья, когда после одного такого ночного празднества, кроме увечных и раненых, осталось на месте несколько десятков убитых.

Перед тем как перейти к последнему, десятому, дню праздников, скажу несколько слов об исторической основе их.

«Имам Гуссейн (сын Алиа, двоюродного брата Магомета, женатого на дочери пророка Фатьме), живший в Медине и давно уже втайне преследуемый арабским халифом Езидом за привязанность к нему народа, наконец восстал против этого халифа; ему удалось поднять жителей преданного ему города Кюфа и собрать войско, но восстание было скоро подавлено, и сам Имам, оставленный почти всеми приверженцами, загнан в пустыню на берег Евфрата, где все его дети и родственники, за исключением одного больного сына, после подвигов высокой храбрости, пали, один за другим, в слишком неравной борьбе; тела их подверглись поруганию неприятеля, имущество – разграблено, а жены и родственницы Гуссейна, вместе с головами убитых, воткнутыми на пикеты, доставлены в Шам (Дамаск) к халифу Езиду. Девять дней продолжалась неравная борьба с войсками сунитов³; послед-

³ *Суниты* – представители другого направления ислама. Наряду с Кораном признают сунну, священные предания, состоящие из хадисов. В отличие от шиитов

ним – на десятый день – сложил свою голову и храбрейший из храбрых, сам Гуссейн. Смертные останки его были впоследствии похоронены на месте, названном Кербелай (керб и бела – земля печали и горя), сделавшемся великою святынею, главным местом поклонения шиитов»⁴.

Память этих-то десяти дней и справляется ежегодно молитвою, постом и теми церемониями, о которых идет речь. Празднество десятого дня отличается особенною торжественностью. Огромная процессия, сопровождаемая всем населением, выходит за город, где располагается на лугу слушать и смотреть представление последнего действия кровавой драмы, когда-то разыгравшейся на берегах Евфрата и с тех пор прикрашенной и получившей легендарный характер.

В толпе народа, на городской площади в Шуше, ожидал я зрелища, подобного которому по фанатизму и дикости, вероятно, не сохранилось в наше время ничего и нигде. Протяжные крики «Гуссейн! Гуссейн!» дали знать о приближении процессии, которая вскоре и показалась. Впереди тихо двигаются *режущиеся*: несколько сот человек идут в две шеренги, держась левою рукою один за другого; в правой у каждого по шашке, обращенной острием к лицу. Кожа на головах фанатиков иссечена этими шашками; кровь льется из ран буквально ручьями, так что лиц не видно под тем-

тов при решении вопроса о высшей мусульманской власти (имаме-халифе) опираются на согласие всей общины.

⁴ Из опасения слишком удлинить статью опускаю поэтические и небезыңтересные подробности этого события.

но-красной корой запекшейся на солнце крови; только белки глаз да ряды белых зубов выделяются на этих сплошных кровавых пятнах. Нельзя без боли смотреть на режущихся таким образом малолетних, идущих в общей шеренге, в голове шествия. У каждого обвязана кругом шеи белая накрахмаленная простыня; накрахмалена она для того, чтобы не пропускала кровь на платье, а крови на простынях довольно: лучше сказать, они залиты ею сверху донизу.

В середине между рядами режущихся идут главные герои дня, ищущие чести уподобиться своими страданиями самому Гуссейну – полунагие фанатики, израненные воткнутыми в тело разными острыми предметами. Передняя сторона головы такого мужа украшена наподобие зубцов короны тонкими деревянными палочками, заткнутыми за кожу на лбу и на скулах, до ушей; тут же затыкаются небольшие замочки; эти замочки и еще небольшие же складные зеркальца нанизаны по рукам, на груди и на животе. Зеркальца затыкаются за кожу небольшими проволочными крючками. На груди и на спине привязаны к телу, концами накрест, по два кинжала и привязаны так плотно, что одного неловкого движения достаточно для того, чтобы лезвие вошло в тело. С боков, поперек корпуса, две шашки, также небезопасно расположенные лезвием по телу; на концы шашек накидываются медные цепочки или тяжелые железные цепи – то или другое, смотря по усердию. Кроме того, всюду по телу натыканы железные и деревянные, длинные и короткие палочки, более

или менее привязанные к телу для уменьшения боли; желающие попарадировать перед народом, не нанося себе большого вреда, очень легко или и вовсе не затыкают за кожу все эти предметы и так ловко подвязывают их, что издали они имеют вид входящих в тело. Кающихся этого второго разряда, т. е. с утыканною кожей, вообще бывает гораздо меньше, нежели режущихся, человек 5, 6 – не более, и надобно думать, что они страдают менее первых, из которых многие на моих глазах падали без чувств или выводились своими родственниками из рядов в состоянии полного изнеможения.

Режущийся (Добровольный мученик)

За этими верными идет толпа народа, избравшего себе благую часть – отделяться в общем покаянии одним трауром. Черные или фиолетовые траурные архалуки их расстегнуты на груди, по которой они бьют себя, причем вторят общему крику. Некоторые ударяют себя не просто ладонями, а большими тяжелыми кирпичами: бедная грудь делается пунцовой от ударов, и народ теснится, толпится около этих изуверов: «Вот они, наши праведные, опоры нашего благочестия...» Один дервиш, в абе и в остроконечной шапке с священными надписями, навесил себе на шею цепей и веревку с огромным камнем, совсем согнувшим его спину; женщины, следующие за процессиею, наперерыв прорываются к нему, чтобы хоть одним глазком взглянуть на праведника. Впрочем, дервиши, по большей части, избирают себе в эти дни более спокойное занятие: они расстилают коврики по дороге, раскладывают на них четки, камешки и прочие безделушки из Кербелай и других св. мест, а сами, рассевшись около, вопят, размахивают руками и просто требуют у проходящих милостыни *божьим людям*. Далее в процессии несут на плечах четырехугольный остроконечный ковчежец, увешанный шальями и зеркалами; поперек носилок лежит человек в богатом платье – это убитый молодой имам. Множество народа поддерживает носилки, каждый считает за счастье хоть прикоснуться к ним. Этот молодой имам, племянник Гуссейна,

едва умолил своего дядю отпустить его на битву, и тот, перед тем как отправить его на верную смерть, исполнил свое давнишнее желание, обручил его со своею дочерью – вот почему, следом за ковчежцем, несет татарин на бритой голове расписанный лоток с атрибутами свадебного обряда.

Молодой Имам, убитый

Далее идет воин в шлеме и кольчуге, перевязанной шальями; он несет в правой руке красивый топорик – это военачальник халифа, совершивший избиение имамов. За ним ведут лошадь Гуссейна в золотой сбруе и богато расшитом седле. Седло утыкано стрелами, так же как и вся лошадь, только на последней стрелы заменены свернутыми бумажками, прилепленными красным, изображающим кровавые пятна, воском.

Затем несут с большой честью и самого имама Гуссейна – чучелу без головы, одетую в богатое платье; на месте шеи вставлено между одеждами несколько коровьих позвонков с окровавленным мясом. Вся грудь убитого утыкана стрелами, и к ней привязаны два живые голубя, изображающих невинность. На этих же носилках стоит на коленях мальчик, весь с головой закутанный в белый саван, испятнанный кровью; для глаз проделаны отверстия в одежде, а к месту рта пришит длинный красный язык – для означения жажды, которую претерпевал имам и все его семейство; мальчик держится руками за голову и поминутно припадает к ногам убитого Гуссейна. Новые толпы народа с рыданием следуют за этою святою ношей. Затем едут муллы и актеры; эти последние в полных костюмах и вооружении. Народ валит за процессиею густою толпою, женщины и мужчины, конные и пешие. Двери, окна и балконы соседних домов, так же и городская стена усеяны народом. Наконец, процессия выходит за город, где на лугу устраивается круг для представления.

Режущиеся усаживаются впереди других, по внутренней линии круга, за ними остальной народ, позади всех конные. Начинается представление и с ним плач и вопли зрителей. Для большей торжественности к представлению этого дня приглашается русская полковая музыка, плохо гармонирующая с характером всей обстановки. Еще более неэффективную роль играют донские казаки, пополняющие, за недостатком актеров, число убийц имамов. С этими казаками, которые обыкновенно заканчивают представление атакою, вышел при мне пресмешной случай. Молодой имам, вышедши на битву с своими врагами, обращает всех их в бегство; казаки, представлявшие воинов Езида, должны были таким образом отступить перед четырнадцатилетним мальчиком. Должно быть, это им не понравилось, потому что вместо отступления они так поприжали юношу, что тот, в свою очередь, дал тягу. Ход действия нарушился, и весь народ начал высказывать свое неудовольствие; со всех сторон кричали казакам, что им надобно отступить, бежать – не тут-то было: они вошли в задор и вложили сабли свои в ножны только тогда, когда схватили лошадей их под уздцы и вывели из круга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.